

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

О заслугах князя Шаховского в драматической словесности

«Странное положение нашей словесности, или, лучше сказать, литературных мнений, которых представителями, к сожалению часто неверными, более или менее должны назваться журналы, заставляет говорить о том, о чем говорить еще рано и при других обстоятельствах было бы ненужно и неприлично. Но время летит, и будущее поколение, будущий историк словесности русской с негодованием отзовется о нашем молчании...»

**Сергей Тимофеевич Аксаков
О заслугах князя Шаховского
в драматической
словесности**

Странное положение нашей словесности, Сили, лучше сказать, литературных мнений, которых представителями, к сожалению часто неверными, более или менее должны назваться журналы, заставляет говорить о том, о чем говорить еще рано и при других обстоятельствах было бы ненужно и неприлично. Но время летит, и будущее поколение, будущий историк словесности русской с негодованием отзовется о нашем молчании; ибо никогда столь быстро не менялась литературная слава, как ныне; это правда – иные потеряли ее и справедливо, но зато какую черною неблагодарностью платим мы некоторым писателям, которых имена, по их заслугам и талантам, должны мы произносить с почтением и признательностью. Напоминаю читателям, что я принимаю журналы представителями мнений литературных целой публики. Не говоря о других, скажем только о князе Шаховском: никто не представляет разительнейшего примера. Двадцать пять лет князь Шаховской обогащал русскую сцену новыми пьесами; в продолжение этого времени переведено, переделано и сочинено им шестьде-

сят шесть или шестьдесят семь пьес; почти все из них имеют прямое или относительное достоинство; многие приводили в восхищение зрителей и читателей; многие и теперь доставляют им истинное, постоянное удовольствие; везде есть или веселость, или остроумие, или неподдельное чувство горячей любви ко всему отечественному. Двадцать пять лет русская публика веселилась его произведениями; да и что бы был наш репертуар без разнообразного и плодовитого таланта кн. Шаховского? В течение последних десяти лет между многими другими написал он четыре пьесы, утвердившие его славу, казалось, на незыблемом основании.[1]

Первая из них – «Пустодомы», оригинальная комедия, отличного достоинства, написанная весьма хорошими, а местами прекрасными стихами; в ней вывел князь Шаховской с большим искусством старое зло в новом костюме: мотовство, или, удачно названное им, пустодомство; комедия богата прелестными сценами; разговорный язык отличный и до сего времени неслыханный у нас на театре. Вторая – «Финн», обязанная своим существо-

ванием прелестному эпизоду в поэме Пушкина «Руслан и Людмила». В «Финне» многие места написаны такими превосходными пламенными стихами, которые во мнении людей беспристрастных поставили князя Шаховского наряду с первыми русскими стихотворцами, чего до тех пор, конечно, никто не думал. Тот же поэт (Пушкин) внушил ему и новое произведение: «Керим-Гирей, или Бахчисарайский фонтан», которое снова всех удивило, ибо в нем князь Шаховской показал опыт прекрасного лирического стихотворства. Наконец, явился давно ожидаемый «Аристофан», комедия, исполненная возвышенных чувств и богатая сценами изящной красоты, к сожалению не для всей публики понятными; разговор в ней прекрасный, даже иногда образцовый для комедий такого рода. Я не говорю, чтоб каждое из сих четырех драматических произведений не имело своих недостатков; но человек, написавший их даже и не в нашей литературе, заслужил бы истинную благодарность от своих современников; а у нас?.. Прочтите отзывы о князе Шаховском в «Телеграфе» и «Северной пчеле»... Впрочем, я

не думаю опровергать их; я пишу свои мысли, предлагаю мои доказательства тем людям, которые, не отнимая у нашего первого комика, употребляю их выражение, *некоторого дарования* и заслуг, обвиняют его за то, что он написал слишком много, а потому будто большая половина пьес вышла слабых; за то, что большая часть из них переводные или заимствованные; что в пьесах его везде почти вставлены музыка и танцы; наконец, что он пишет иногда дурные лирические стихи.

Здесь выходит странное противоречие: обвинения сии в частности, порознь более или менее справедливы, а результат, выводимый из них о князе Шаховском, – неверен. Вот мои объяснения и доказательства: князя Шаховского можно обвинять за множество им написанных пьес потому только, что, вероятно, их количество мешало ему обработать их качество; без его плодovitой производительности, конечно, получили бы мы половину из них в совершеннейшем виде; но сие обстоятельство, вредное *непосредственно* славе Шаховского, было полезно литературе – *относительно*. Он перепробовал все роды драмати-

ческой словесности, заимствовал содержание пьес из театров всех образованных наций, примеривал их на русский вкус и лад, много раз торжествовал, нередко терпел неудачи, иногда падал, но своими падениями, своими опытами указал путь к надежным успехам будущему драматику. Когда князь Шаховской начал писать, у нас не только не было драматической литературы (которой и теперь нет), но мы даже не знали: как она может быть у нас? что нам пригодно? кому мы можем или должны подражать? Само собою разумеется, что у нас не было разговора на сцене, а потому успехами стихотворного и прозаического языка в театральных сочинениях мы обязаны князю Шаховскому, ибо он и в том и другом показал прекрасные опыты; нужно ли объяснять, что под именем *разговора на сцене* я разумею *разговорность языка, сообразную с характеристикою действующих лиц*, а не гладкий слог, не красноречие, в котором выказывается, как в зеркале, сам автор со всеми приметам и образом мыслей своего времени.

Оттого, что князь Шаховской перевел, написал так много, несколько лет имели мы, да

и теперь имеем, приятный и разнообразный репертуар в обеих столицах. Правда, некоторые пиесы, принятые в свое время с восторгом, надоели публике и считаются ею уже пустыми, скучными; но причиною сему не столько переходчивость времени, как чрезмерно частое их повторение и весьма плохое исполнение сценическое: ибо они, как пиесы старые, избитые, обставлены самыми дурными актерами. Правда и то, что они были написаны для своего времени, для особенных обстоятельств, что некоторые из них должны быть оставлены как средства или орудия, уже исполнившие свое дело; но если это назвать недостатком, то ему подвержены все знаменитые комики всех веков и всех народов.

Беспрестанно составляя новые пиесы, князь Шаховской имел еще другую цель – и достиг ее: он *воспитал* ими труппу артистов по новой методе игры; если ни одного из них не вышло великого по таланту, то неужели и за то обвинять Шаховского? Но г-да Брянский, Сосницкий, покойный Рамазанов, г-жи Валберхова (в комедиях), Дюр, которой также нет на свете, Сосницкая и некоторые другие все-

гда будут признаны прекрасными артистами, истинными художниками. Многие пьесы писаны Шаховским именно для них, по мере их раскрывающихся дарований и возрастающего искусства; ему обязаны мы, что у нас начали говорить на сцене по-человечески. Пусть только укоренится эта метода, и со временем, когда явятся у нас актеры с талантами и образованием, почувствуют цену благого начала, сделанного Шаховским.

Правда, у князя Шаховского часто нехватает бывает музыка и танцы; вообще он любит великолепный спектакль, и его обвинители, недоброхоты говорят, что он делает это с намерением, для поддержания слабости своих произведений; но с этим никак нельзя согласиться. Ясно, что князь Шаховской имел другую цель: соединение на нашей сцене всех изящных искусств; что он жертвовал иногда собою для таких опытов, ибо часто и очевидно вредил себе ими, а сценические выгоды, вероятно, ему слишком хорошо известны. Итак, опыт сей, хотя он был не всегда удачен и, по моему мнению, даже не может иметь успеха в наше время, как объяснитель неиз-

вестного заслуживает нашу благодарность, а не порицание. Кажется, что опыту сему более подвергались пиесы бенефисные.

Наконец, князь Шаховской пишет иногда лирические дурные стихи и печатает их... Очень жаль, но разве из этого следует, что он плохой драматик? что все им прежде написанное дурно? Державин писал ужасными стихами уродливые драматические произведения, но разве от того он менее великий бессмертный лирик – наша слава, наша народная гордость? Никто не может подумать, чтоб я ставил рядом исполинский гений Державина с плодовитым талантом князя Шаховского; но род сочинений сего последнего несравненно труднее и важнее для общества, нежели вдохновенное парение музы первого, ибо, кроме таланта, требует великой опытности, искусства, долговременного наблюдения нравов, познания сердца человеческого. Хотя иные не признают влияния театра на ход образования и нравственности человеческой, но, кажется, в этом нельзя сомневаться; конечно, никто не выйдет из театра лучшим, нежели в него вошел; никакой порочный уже

человек не исправится; но семена, западающие в сердца невинные, неприметным образом для них самих пускают рост и дают благое направление их нравственности, предохраняя ее от будущих уклонений.

Еще должно с признательностью сказать, что во всех шестидесяти семи пьесах князя Шаховского сохранена строжайшая нравственность; что пламенная любовь ко всему народному, русскому отражается везде, где она могла иметь место; никто не найдет в его сочинениях ни соблазнительных сцен, ни экивоков, ни вольнодумных выходов, столь любимых чернью публики и столь выгодных для автора на сцене. Полный театр князя Шаховского, если б он был напечатан, служил бы очевидным и убедительным доказательством, что автор нигде не упустил из виду своей цели. Конечно, в этом отношении не упрекнет его ни один отец семейства, ни моралист, ни гражданин, ни христианин. Итак — благодарность писателю, подвизавшемуся со славою и общею пользою на поприще многотрудном, выполнившему так много различных условий, удовлетворившему стольким

требованиям, обстоятельствам и времени.[2]

Мая 17 дня. Москва.

Примечания

В это же время написаны им и другие замечательные пьесы; водевили: «Езоп у Ксанфа», «Волков» и «Евфратский пеликан». Первый заслуживает внимания по необыкновенному искусству в языке разговорном, второй – горячим чувством народности, живостью и верностью характеров, третий – остроумием.

[^^^]

2

Эта и следующая статья служат убедительным доказательством, что значит двадцать восемь лет в нашей словесности. Я сам не могу без улыбки перечитывать некоторых выражений. *(Позднейшее примечание С. А.)*

[^^^]